

УДК: 811.161.1

Ю.А. Эмер

ОБРАЗ ГОРОДА В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ¹

В статье на материале фольклорных песенных текстов о Томске рассматривается вопрос о жанровом преломлении общих когнитивных установок фольклорного коллектива. В фокусе каждого жанра городского фольклора, в отличие от деревенского, оказывается определенный фрагмент образа города: в студенческой песне Томск – это университетский город, в городском романсе и дворовой песне – существование обывденного человека в городском пространстве. Главными темами частушки являются как любовная (сквозь призму Томска как студенческого города), так и социально-политические вопросы жизни города.

Ключевые слова: образ города, Томск, жанровое миромоделирование, песня, частушка, городской фольклор.

Существование современного человека в полидискурсивном мире, перераспределение идеологических функций между формами культуры привели к всплеску интереса научной общественности к феномену фольклора, долгое время осуществляющему основную идеологическую функцию [1; 2; 3]. Поскольку в современном обществе, в силу особенностей развития общества в условиях глобализации, на первый план выходит социальная идентификация, каждая из социальных групп, имея собственную систему ценностей, картину мира, выстраивает свой вариант культуры, где немаловажное место занимает фольклор, осуществляющий функцию хранения и передачи знания (пусть и в меньшей степени, чем традиционный фольклор). На наш взгляд, в основе современного² фольклора лежит та же идея самоидентификации, дифференциации отдельной группы, индивида, что и в «классическом» фольклоре. Понимание фольклора как коммуникативно ориентированной формы культуры, отражающей самосознание, вербально оформленные ценностные установки социальной группы, позволяет рассматривать его не только как «культурное наследие», но и как часть актуальной культуры, не только как явление коллективной культуры, но и как явление, выражающее индивидуальное начало, которое узнаваемо, поскольку оно клишировано и тиражировано [4].

Одной из актуальных проблем, активно обсуждаемых гуманитариями, является вопрос о существовании городского фольклора, о его взаимоотношениях с массовой культурой. Одни исследователи придерживаются позиции, что городской фольклор – это испорченный «деревенский» фольклор, другие считают, что городской фольклор есть самостоятельный культурный продукт [5, 6, 7, 8]. В нашей работе городской фольклор рассматривается как отдельный феномен, в городском фольклоре находит отражение урбанизиро-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-14-70003).

² В нашем понимании «современный фольклор» – это фольклор, бытующий с середины XX в. по настоящее время.

ванное сознание горожан, выдвигающих новые культурные запросы к фольклору, «городской фольклор решительным образом отличается от стадильно и исторически предшествующих ему устных традиций патриархального сельского крестьянства <...> [Он] фрагментирован в соответствии с социальным, профессиональным, клановым и даже возрастным расслоением общества, с его распадом на слабо связанные между собой ячейки, не имеющие общей мировоззренческой основы <...> он, как правило, отражает культурные смыслы, актуальные для данного сообщества, и часто обслуживает потребности его участников (в том числе потребности в самоидентификации)» [3. С. 11].

В настоящее время городской фольклор есть многослойное явление, включающее жанры деревенского и городского фольклора, взаимодействующие, взаимообогащающиеся и приспособляющиеся друг к другу. В современном городском фольклоре активно функционируют песенные жанры (дворовая песня, романс, частушка и др.). Вне зависимости от происхождения песенные жанры, бытующие в городской среде по законам фольклора (устная/письменная передача текста, анонимность – авторство утрачивается, вариативность текста), так или иначе обращаются к теме города, предлагают «жанровую интерпретацию», выстраивают «жанрообусловленный» образ города.

Цель данной работы – выявить жанровую обусловленность в представлении образа Томска в современном городском песенном фольклоре.

Материалом послужили тексты городских романсов, бардовских песен (бытующих по фольклорным законам), студенческого фольклора, частушек, зафиксированные в городской среде Томска с 1996 по 2012 г. Тексты взяты из личной коллекции автора (аудио, видеосъемки городских праздников, народных гуляний, проходивших на городских площадках в разных районах Томска, студенческих неформальных мероприятий, экспедиций и практик в ТГУ, ТПУ, ТГПУ (1996–2012 гг.), городского конкурса частушек (2004 г.), а также собраны студентами во время фольклорных экспедиций в городе Томске (День города 2010, 2011 гг.).

При анализе в городском фольклоре образа Томска мы имели в виду, что этноязыковая общность не является монолитной (см., например: [9]). Отметим, что сходные идеи о существовании в рамках общезыковой картины мира других культурных моделей (научных, художественных, конфессиональных) были высказаны в работах [10, 11] и др.

При проведении исследования мы учитывали, что фольклор, как и другие семиотические системы, представляет особое видение мира, специфический способ категоризации и концептуализации действительности в соответствии с собственной логикой миропонимания. Предлагая определенный ракурс восприятия мира, фольклор задает модель интерпретации жизненных событий, отличную от других. Фольклорная картина мира жанрово варьируется, в каждом из жанров фрагмент мира предстает в определенном аспекте в зависимости от жанровых установок. Так, песня призвана передать душевное состояние, настроение, эмоции человека, не актуализируя приметы исторического временного отрезка. В песне проявлены этические ценности социума, которыми каждый из его членов руководствуется в жизни.

Основным назначением частушки является выражение экспрессивно окрашенного отклика индивида на реальную бытовую/бытийную ситуацию: «В частушке отсутствует разрыв между исполнителем и содержанием песни. Она насквозь индивидуальна... частушка всегда старается отразить последние местные события политической и социальной жизни» [12]. «Публичный рассказ» об экстремумах личного, общественного события становится рефлексией по этому поводу, позволяет высказать личную оценку того или иного факта, соотнеся ее с коллективной.

Образ города, представленный в городском фольклоре вообще, принципиально отличается от образа города в деревенском фольклоре в силу особенностей городской и деревенской культур, сознания городского и деревенского жителя, подробнее см. [13, 14]. Особенности представления образа города, характерного для томской городской культуры, а также специфику представления образа Томска в отдельных субкультурах города.

Образ «города» как такового в городском и крестьянском фольклоре при некоторой общности будет отличаться содержательно. В деревенском фольклоре он представлен как чужое, неосвоенное пространство, несущее опасность для человека. Рефлексии подвергаются ценностные этические установки, правила «городского поведения». Город противопоставляется деревне с ее устоями, ценностями, размеренным порядком жизни: *Вырастешь большая, / Отдам тебя замуж, / Не в город – в деревню, / В согласну семью* (песня); *Эх, так вашу мать / С вашим городишком, / Девки ходу не дают / Нашим ребятишкам* (частушка). Оппозиция *город – деревня* в текстах актуализируется при помощи противопоставления *не в город – в деревню*, лексических единиц *согласная семья*, обозначающих гармоничное состояние, присущее деревенскому миру в противовес городскому, лексем *городишко*, где суффикс *ишк-* несет уменьшительно-пренебрежительное значение, местоимений *ваш – наши*, использование которых позволяет актуализировать оппозицию *город – деревня*, наконец, лексические единицы *девки – ребятишки* (с уменьшительно-ласкательным суффиксом *ишк-*) передают противоположную оценку городских и деревенских жителей, как и лексемы *ходу не дают*, обозначающие «анормативные» действия, служат отрицательной характеристикой городских жителей.

Отметим, что такое представление о городе, зафиксированное в крестьянском фольклоре, в первую очередь объясняется социально-историческими причинами. Как только крестьянин получил возможность, оторвавшись от земли, поехать на заработки в «другой» мир, традиционное общество с его укладом и устоями стало трансформироваться. Эти изменения не могли не получить отражение в фольклоре, с этим связано, например, формирование оппозиции *деревня – город*, появление новых сказочных героев – находчивого и хитрого солдата, противостоящего доверчивому, простоватому крестьянину, а также возникновение нового жанра – жестокого романса и т.п.

В городском фольклоре, в отличие от деревенского фольклора, образ города не является монолитным. Для самоидентификации города не столько важным оказывается его противопоставление деревне, сколько определение identity по отношению к сообществу городов, к городам, имеющим тот или иной статус ([15] и др.).

Города как населенные пункты имеют большие различия: мегаполисы и поселки городского типа, столичные и провинциальные, вузовские и промышленные города. Различия в представлении конкретного города в песенном фольклоре во многом обусловлены спецификой поселения.

В современной городской культуре образ города актуализируется горожанами через стереотипы, клише, связанные с восприятием того или иного города. Осознание города различными социальными группами, индивидами во многом объясняется определенным, зафиксированным в данной культуре или субкультуре, нормативным представлением о городе как средоточении интеллектуальных сил, находящихся в нем предприятий, архитектурных шедевров, объектов культуры и т.д. Так, Томск в песенном студенческом фольклоре предстает как город «умный», университетский центр Сибири: *Может быть, и можно где-то жить и без университета, / Он у нас не лучший в мире, зато первый по Сибири; Томск, Томск, слышишь ручьи звенят. / Томск, Томск, сколько друзей у тебя. / В студгородке, слышишь, опять поют, / Томск, Томск, Томск, Томск – песню про юность мою; Этот праздничный тост поднимаю за Томск, / Значит, он не напрасно учил, / и по всей по стране вдруг откликнутся мне / Томичи, томичи.* Отметим, что частотные лексемы *студенческий, университет, друзья, юность* как оценочные номинации, участвующие в формировании «позитивного» образа города в фольклоре, активно используются в медийных изданиях. «Их содержание во многом становится источником текстопорождения при формировании презентационных материалов о городе, текстов поздравлений (см. [16]), а также об отражении в других дискурсах см. ([17; 18]).

Для студенческих песен характерно совпадение основных характеристик города, представленных и в художественно-поэтическом, и в медийном, и в политическом дискурсах. Томск в студенческом фольклоре предстает как сибирский университетский город: *Мы все знаем, мы все помним, ни одна страна в этом мире не заменит нам этот уголок Сибири; В краю кедровом посреди России стоит наш город узорный; Я люблю этот город, его нескончаемый гомон, где студентов полны поезда.* Ключевыми лексемами томского городского студенческого фольклора являются *Сибирь, деревянные кружева, университеты*, отражающие реперные точки официально выстроенного образа города, основные темы студенческого фольклора связаны с учебой, любовью, молодостью. Город предстает как целостный организм, осуществляющий единую функцию, пространственная организация города практически не получает текстового воплощения как неактуальная для самоидентификации студента – жителя города. Заметим, что в песнях о томских университетах пространственные объекты города, связанные с традициями вуза или местоположением университета, могут упоминаться: *С грустью вспоминаем мы... трудные экзамены и учителей. И фигуру Кирова с поднятой рукою в яркой рамке залитых солнцем тополей.*

В городском романсе и дворовой песне в центре внимания оказывается человек, живущий в дисгармоничном мире, события разворачиваются в житейской плоскости (подробнее см. [19]) в городском семиотически нагруженном пространстве. В данных текстах предстает «бытовой» Томск как сложно организованная система – с делением на районы, имеющие собствен-

ную историю, мифологию, вступающие в оппозиционные отношения друг к другу. Горожанин моделирует образ города, исходя из историко-мифологического контекста отдельного района и города в целом. Так, ключевыми пространственными точками Томска оказываются Заисточье, Черемошники, Иркутский тракт и др. Указание в песенном тексте конкретного района города, в котором разворачиваются события, позволяет не просто «оживить» в сознании горожан знание о данном месте, но обозначить, закрепить статус «опасное/неопасное пространство» за определенной пространственной точкой города, идентифицироваться каждому жителю относительно субкультуры района города. Например, район Черемошники предстает в песне как депрессивный район, живущий по своим локальным законам, противопоставленный центральной части города: *Я ж черемошинский, нарики и алкоголики — моя среда. Я с похмелья зашел к Валерке, а денег нету на опохмел. Пойду на рынок, стрельну десятку, И станет радостно мне на душе. А мимо катят машины в центр, У них своя жизнь...* Просторечные, жаргонные лексемы *похмелье, опохмел, стрельнуть* противопоставляются стилистически нейтральным *центр, своя жизнь*, моделируя оппозиционные отношения «свой мир Черемошников» / «мир города».

В частушках, бытующих в томском пространстве, основными городскими темами оказываются традиционные для данного жанра любовная, социальная и политическая. Томская частушка, как и частушка в целом, выполняет сегодня в первую очередь оценочную и развлекательную функции, информативная функция, как правило, оказывается периферийной для данного жанра, поскольку она выполняется другими институтами.

В любовных частушках наблюдается актуализация традиционных для данного жанра оппозиций «женщина – мужчина», «женщина – девушка», «свой – чужие»: *Ах вы, томские ребята, / Дождиком умойтесь, / Если сами поросята, / В девчонках не роитесь; В Томске улицы большие, / Переулки тесные. / Девки пуце баб гуляют, / Говорят, что честные; В Томске девки мелки / На суку сидят, как белки, / В Новосибе покрупней / На суку сидят плотней.* В данных текстах «вечная» тема показана в характерном жанровом представлении: переворачивание нормы, противопоставление возрастных, гендерных, социальных характеристик. «Томский колорит» создается за счет упоминания названия города и обозначения принадлежности к нему жителей.

Отметим, что текст частушки, рассказывающей о взаимоотношениях полов с разной степенью модификации, фиксируется на разных, часто отдаленных друг от друга территориях (например, приведенные выше частушки с использованием названий других городов). Живучесть текста и «применимость» его к разным объектам, событиям свидетельствует, с одной стороны, об общности когнитивных установок социума во времени, где частушечные установки выступают как сигнификат по отношению к денотатам-событиям. С другой стороны, приписывание текста к конкретному факту, верификация текстом этого события (см. [20; 21]) и есть создание частушечной «новости», что подтверждает социальную значимость частушки, осуществляющую некую контролирующую, регламентирующую функцию в коллективе.

В томском фольклоре есть небольшой пласт частушек, в которых любовная тематика предстает сквозь призму студенческого города: 1. *В томский*

пед заходить, / Окурков по колено, / Политеховских любить, / Надо брать полено. 2. ТГУшные ребята – для того, кто любит мозг. / А с деньгами и машиной в ТГАСУ ты себе найдешь. В данных текстах актуализируются стереотипы вузов, существующие в сознании горожан. Первая частушка построена на сравнении двух томских вузов – педагогического и политехнического университетов. Данное сравнение подразумевает эксплицитно невыраженную оппозицию «женское – мужское», поскольку в педуниверситете основной контингент обучающихся представлен студентками, в политехническом – студентами. Лексическая единица *окурки* в сочетании с *томский пед* актуализирует через анормативное представление о студентках в гендерном и профессионально-этическом аспектах нормативное представление о вузе. Лексема *полено* имплицитно становится характеристикой студентов ТПУ как сильных и грубых по отношению к возлюбленным. В данном случае актуализируется как гендерная характеристика, типичная для частушки в представлении мужчин, так и стереотип о ТПУ как техническом вузе с низким уровнем культуры. Комический эффект достигается за счет анормативного представления женского и мужского вузов и их противопоставления.

Вторая частушка также построена на противопоставлении двух томских вузов – Томского государственного университета и Томского архитектурно-строительного университета. При характеристике ТГУ в фокусе внимания оказывается интеллектуальный уровень студентов, при описании ТГАСУ – материальный достаток студентов. Как и в предыдущем тексте, актуализируется стереотипное представление томичей о данных вузах, однако противопоставление *мозг – с деньгами и машиной* отражает девальвацию в современном обществе ценностей, представляя ум и богатство как однопорядковые для сравнения величины.

Жанровые установки частушки: через анормативное представление ситуации смоделировать идеальное приводит к тому, что студенческий Томск предстает сквозь призму социокультурных, общественно-экономических проблем в многообразии характеристик, позволяя студенту самоидентифицироваться, сформировать нормативное представление об *alma mater*.

Количественно меньше томских частушек посвящено теме местной власти (20% текстов), социальной ситуации в городе. Как и в социально-политической частушке вообще, в томской рассказ об известных из других источников местных общественно-политических событиях, лидерах местной власти сопровождается оценкой, часто противоречащей официальной.

Власть традиционно является объектом рефлексий в фольклорном дискурсе, оценка власти в фольклорных текстах отражает взгляд определенного культурно-языкового сообщества, демонстрируя относительную стабильность и одновременно изменчивость восприятия власти «простым» человеком, показывает противостояние власти и человека из народа, характерное как для России в целом, так и для города в частности: *Николайчук нам обещает: / Всех от голода спасу! / Стариков я сдам на мясо, / А старух на колбасу! // В вертолет садился Кресс / Посмотреть на тощий лес. / Вместо леса видит пни / Возвышаются одни!*

«Герой-политик» (Н. Николайчук, В. Кресс, А. Макаров) получает эксплицитное выражение при помощи имени собственного. Использование име-

ни, знакового для города и области, позволяет не давать подробного описания героя в тексте, поскольку каждое из них имеет устойчивую оценочную характеристику. Отметим, что в данном случае также можно говорить о фольклорности оценочности, поскольку она отражает народное представление, а не официальную точку зрения. При общности модели обещания: абсурдность, стремление к норме через действия, ее нарушающие, – внутреннее наполнение выстраивается в зависимости от личностных особенностей, уровня политика. Так, в частушке про бывшего мэра г. Томска А. Макарова фигурирует один из предвыборных его лозунгов (*Томск – чистый город...*): *Нам Макаров обещает: / «Будет город чистым! / Денежки и прочий мусор / Мне в карман ложите»*. При этом обещание, исходящее от политика, отражает народную оценку его действий. Изначальные установки «обещания» («Добровольное обязательство сделать что-либо» [22. С. 425]) вступают в конфликт с его содержанием.

Активно рефлекслируемыми в частушке томскими социальными темами оказываются вопросы повышенной радиации в связи с территориально близко расположенной АЭС, незаконная вырубка леса, отчисление средств, полученных от добычи газа и нефти, в Москву: *Мы грибочки собирали / в Северском селении / И спокойно служим в бане. / в женском отделении // Лес рубили вокруг Томска, / Тыщи километров! / А хватились в лес идти – / 60 километров*. В первом тексте использование имени собственного Северск актуализирует знание об особом статусе данного населенного пункта – «закрытого» города. Причинно-следственные связи (*собирали грибы – служим в женском отделении бани*) способствуют созданию комического эффекта, построенного на несоответствии произведенных субъектом действий и их последствий.

Итак, в данной статье на примере анализа образа Томска на материале городского романа, дворовой песни и частушки, бытующих в городском пространстве, доказывается, что образ Томска жанрово обусловлен, *фольклорные песенные жанры участвуют в моделировании фольклорной картины мира*, жанрово преломляя общие когнитивные установки. Каждый жанр актуализирует набор тех или иных фольклорных ценностей, в первую очередь определяемых как установками фольклора в целом, так и отдельного фольклорного жанра. Так, в студенческой песне о Томске город предстает, как правило, как университетский город, с которым связан определенный этап жизни человека.

В городском романе и дворовой песне в фокусе внимания существование горожанина в городском пространстве вне университетского контекста. В них находят отражение темы любви, дружбы, памяти. Аксиологическую нагрузку получают все события, действующие лица и их поступки, элементы мизансцены уже самим фактом фиксации в рамках данного жанра.

В частушке как жанре, оперативно реагирующем на действительность, главными являются как любовная тема (сквозь призму Томска как студенческого города), так социально-политические вопросы жизни города. Объектом оценивания становятся и горожане, и реалии городской жизни. Жанровая форма частушки задает особый способ отражения ценностной модели: выстраивание нормативной картины через демонстрацию аномативных поступков, действий героев.

Литература

1. Алексеевский М.А. Советские праздники в русской деревне: к постановке проблемы // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология. Вып. 2. Материалы VI Междунар. школы молодого фольклориста 22–24 ноября 2004 г. Архангельск, 2004. С. 162–169.
2. Неклюдов С.Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 5–24.
3. Щепанская Т.Б. Застолье на рабочем месте: символы профессии, репрезентации идентичности // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность: сб. науч. ст. М., 2008. С. 50–74.
4. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001. 438 с.
5. Белоусов А.Ф. Городской фольклор. Таллин, 1987. С. 3–9.
6. Богатырев П.Г. Фольклор как особая форма творчества // Вопр. теории народного искусства. М., 1971. С. 369–383.
7. Лотман М.Ю. Блок и народная культура // Лотман М.Ю. Избр. статьи. Таллин, 1993. Т. 3. С. 185–201.
8. Неклюдов С.Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.
9. Толстой Н.И. Язык и народная культура. М.: Индрик, 1995, 518 с.
10. Толстая С.М. Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 527 с.
11. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.
12. Зеленин Д.К. Песни деревенской молодежи [Электронный ресурс]. Вятка, 1903. URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1976/04/764-308.htm> (дата обращения: 25.05.2009).
13. Коган Л.Н. Социология культуры: учеб. пособие [Электронный ресурс]. Екатеринбург, 1992. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Sysov_Jazukoznzn/_09.php (дата обращения: 19.08.2010).
14. Эмер Ю.А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ. Томск, 2011. 458 с.
15. Ахметова М.В., Журье М.Л. Бологое: «маленькая столица между двух столиц» // Отечественные записки. 2006. № 5, т. 32. С. 207–217.
16. Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Текстовое пространство «Дня города» и «Дня рождения вуза»: к проблеме праздничного миромоделирования // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2009. № 2 (6). С. 11–22.
17. Ермоленкина Л.И., Костяшина Е.А., Резанова З.И. Томский урбанистский текст как механизм моделирования социокультурного пространства города // Роль совместных конкурсов РГНФ и Администрации Томской области в развитии гуманитарных исследований: материалы науч. конф. / под ред. Э.И. Черняка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 90–96.
18. Резанова З.И. Дискурсивные стратегии презентации национально-культурной идентичности // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2012. № 4 (8). С. 40–54.
19. Современная баллада и жестокий романс / сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. 416 с.
20. Адоньева С.Б. Деревенская частушка XX века. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та. 2006. 534 с.
21. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та. 2004. 312 с.
22. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 6 (32), pp. 77-86.

Emer Yulia A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: julika71@mail.ru

IMAGE OF THE CITY IN FOLK SONGS.

Keywords: image of the city, Tomsk, genre world modeling, song, chastooshka, urban folklore.

Modern folklore as a conglomerate of traditional, newly emerging genres and marginalized forms exists in the urban environment, demonstrating both continuity and change, reflecting orientations of modern folk consciousness.

Regardless of the origin, song genres in the urban environment turn to the topic of the city, offer the "genre interpretation" and build the "genre-determined" image of the city.

The purpose of this work is to identify genre conditions in the representation of the image of Tomsk in urban folk songs.

The material are texts of urban romances, bard songs (made by folklore laws), student folklore and chastooshkas recorded in the urban environment of Tomsk.

In the research the following issues were considered: features of portrayal of the city as such in urban culture, in contrast to the village one; features of representation of the city characteristic of Tomsk urban culture; specifics of portrayal of Tomsk in some subcultures of the city.

In urban culture citizens actualize image of the city through stereotypes and clichés associated with the perception of a city which is largely due to a certain normative notion of the city as a concentration of the intellectual forces of the city's companies, architectural masterpieces, cultural facilities, etc., fixed in a given culture or subculture.

Student songs describe the main characteristics of the city represented in art and poetry, in the media and in political discourse. Student folklore depicts Tomsk as a Siberian university town. This is a holistic system performing a single function. The spatial organization of the city is not represented in texts of student songs being irrelevant for the self-identity of the student-resident of the city.

In urban romances and bard songs the center of attention is a person living in a graceless world; the events unfold in the worldly plane. These texts represent "consumer" Tomsk as a complex organism with a division into districts that have their own history and mythology and are in opposition relations to each other. Citizens model the image of the city on the basis of the historical and mythological context of a single district and the city as a whole.

In Tomsk chastooshkas, the main urban themes are love, social and political issues traditional for the genre. Student Tomsk appears through the prism of socio-cultural and socio-economic issues that allow students to self-identify, create a normative idea of the Alma Mater. Socio-political themes are discussed as the opposition of the government and the people, which is characteristic for the chastooshka.

References

1. Alekseevskiy M.A. [Soviet holidays in the Russian village: on the issue]. *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naya tekstologiya* [Comprehensive collection, systematization, experimental textology]. Arkhangel'sk, 2004, issue 2, pp. 162-169. (In Russian).
2. Neklyudov S.Yu. *Fol'klor sovremennogo goroda* [Folklore of a modern city]. In: Neklyudov S.Yu. (ed.) *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Modern urban folklore]. Moscow: RSUH Publ., 2003, pp. 5-24.
3. Shchepanskaya T. B. [Feast in the workplace: symbols of profession, representation of identity]. *Fol'klor malykh sotsial'nykh grupp: traditsii i sovremennost'* [Folklore of small social groups: tradition and modernity]. Moscow, 2008, pp. 50-74. (In Russian).
4. Bogdanov K.A. *Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti* [Daily life and mythology: Studies in the semiotics of folk reality]. St. Petersburg: Iskusstvo Publ., 2001. 438 p.
5. Belousov A.F. *Gorodskoy fol'klor* [Urban folklore]. Tallin, 1987, pp. 3-9.
6. Bogatyrev P.G. *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Issues of the theory of folk art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1971, pp. 369-383.
7. Lotman M.Yu. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Tallin, 1993. Vol. 3, pp. 185-201.
8. Neklyudov S.Yu. Posle fol'klora [After folklore]. *Zhivaya starina*, 1995, no. 1, pp. 2-4.
9. Tolstoy N.I. *Yazyk i narodnaya kul'tura* [Language and popular culture]. Moscow: Indrik Publ., 1995, 518 p.
10. Tolstaya S.M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshch斯拉vianskoy perspektive* [Space of the word. Lexical semantics in the common Slavonic plane]. Moscow: Indrik Publ., 2008. 527 p.
11. Nikitina S.E. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoie soznanie* [The oral folk culture and language consciousness]. Moscow: Nauka Publ., 1993. 187 p.
12. Zelenin D.K. *Pesni derevenskoy molodezhi* [Songs of the rural youth]. Vyatka, 1903. Available at: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1976/04/764-308.htm>. (Accessed: 25th May 2009).
13. Kogan L. N. *Sotsiologiya kul'tury* [Sociology of culture]. Ekaterinburg, 1992. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Sysov_Jazukoznzn/_09.php. (Accessed: 19th August 2010).
14. Emer Yu.A. *Miromodelirovanie v sovremennom pesennom fol'klоре: kognitivno-diskursivnyy*

analiz [World-modeling in contemporary folk songs: cognitive discourse analysis]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2011. 458 p.

15. Akhmetova M.V., Lur'e M.L. Bologoe: "malen'kaya stolitsa mezhdru dvukh stolits" [Bologoe: "a small capital between the two capitals"]. *Otechestvennye zapiski*, 2006, no. 5, vol. 32, pp. 207-217.

16. Tubalova I.V., Emer Yu.A., Text space of City Day and Higher School Birthday: to the problem of holiday world modelling. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2009, no. 2 (6), pp. 11-22. (In Russian).

17. Ermolenkina L.I., Kostyashina E.A., Rezanova Z.I. [Tomsk urban text as a mechanism for modeling the socio-cultural space of the city]. *Rol' sovместnykh konkursov RGNF i Administratsii Tomskoy oblasti v razvitiі gumanitarnykh issledovaniy: Materialy nauchnoy konferentsii* [The role of joint calls of the RFH and Tomsk Oblast Administration in the development of Humanitarian Studies: Proceedings of the conference]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2011, pp. 90-96. (In Russian).

18. Rezanova Z.I. Discourse strategies of presentation of national cultural identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2012, no. 4 (8), pp. 40-54. (In Russian).

19. Adon'eva S., Gerasimova N. *Sovremennaya ballada i zhestokiy romans* [Modern ballad and cruel romance]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 1996. 416 p.

20. Adon'eva S. B. *Derevenskaya chastushka XX veka* [Village chastooshka of the twentieth century]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2006. 534 p.

21. Adon'eva S.B. *Pragmatika fol'klora* [Pragmatics of folklore] St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2004. 312 p.

22. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1990. 921 p.